

О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПО СОЗДАНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ДИПФЕЙКОВ

Е.Д. Седельник

*преподаватель-стажер кафедры права интеллектуальной собственности
юридического факультета, Белорусский государственный университет,
siadzelnikYD@bsu.by*

Аннотация. В статье отражены проблемы правовой неопределенности в сфере развития технологий дипфейков, опережающих прогресс в области разработки инструментов для их обнаружения и формирования адекватной законодательной базы. Автор приходит к выводу, что упомянутый дисбаланс создает растущую угрозу правам и свободам современных граждан, поскольку искусственный интеллект (далее – ИИ) не только ускоряет и упрощает технологические процессы, делая повседневную жизнь более удобной, но, вместе с этим, неуклонно приближается к точке, когда аудиовизуальное произведение, содержащее индивидуальные отличимые характеристики идентифицируемого физического лица (изображение лица, иной части тела человека, звука его речи и т.д.), включая контент, которого лицо никогда не производило, станет практически неотличимым от реальности. В работе присутствуют примеры опыта судебной практики, отражающие актуальность темы работы, и необходимость своевременного распознавания сфабрикованного контента в условиях экспоненциального роста возможностей ИИ, что становится все более сложной задачей, требующей опережающего правового регулирования белорусского законодательства в сфере авторского права и промышленной собственности, ведь изображение лица человека может выступать не только как произведение, но и в качестве товарного знака.

Ключевые слова: дипфейк-технологии, искусственный интеллект, нейросеть, право интеллектуальной собственности, изображение человека, авторское право, право промышленной собственности, контент.

Abstract. The article reflects the problems of legal uncertainty in the development of deepfake technologies, which are ahead of progress in the development of tools for their detection and the formation of an adequate legislative framework. The author concludes that the said imbalance creates a growing threat to the rights and freedoms of modern citizens, since artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) not only accelerates and simplifies technological processes, making everyday life more convenient, but, at the same time, is steadily approaching the point when an audiovisual work containing individual distinguishable characteristics of an identifiable individual (an image of a face, other part of a person's body, the sound of his speech, etc.), including content that the person has never produced, will become virtually indistinguishable from reality. The work contains examples of judicial practice experience, reflecting the relevance of the topic of the work, and the need for timely recognition of fabricated content in the context of exponential growth of AI capabilities, which is becoming an increasingly complex task requiring advanced legal regulation of Belarusian legislation in the field of copyright and industrial property, because the image of a person's face can act not only as a work, but also as a trademark.

Keywords: deepfake technologies, artificial intelligence, neural network, intellectual property law, human image, copyright, industrial property law, content.

Термин «Дипфейк», образованный от слияния трех английских слов «глубокое обучение» (deep learning) и «подделка» (fake), в своем толковании согласно подходам, выработанным учеными Ворониным И.А. и Гавра Д.П. представляет собой синтетически созданный при помощи искусственного интеллекта (далее – ИИ) контент, в содержании которого реализована замена нейросетью персональных данных одного физического лица на другое в уже существующем фотоизображении, музыкальном и (или) аудиовизуальном произведении [1, с. 5]. Нейросеть же, по мнению Уоррена МакКаллока и Уолтера Питтса, представляет под собой не что иное как совокупность нейронов, которые вычисляют выходной сигнал из совокупности входных сигналов [2, с. 34]. Подобная технология делает возможной имитацию индивидуально определенных характеристик любого конкретного человека: изображения его лица (иных частей тела, облика), звучания голоса, в том числе манер поведения, и является легко и быстро применимой ко всем существующим на сегодня форматам цифрового контента – от фотографий и видеороликов до голосовых записей. Среди наиболее популярных в настоящее время сфер применения дипфейков выступают рекламная деятельность, деятельность по созданию порнографического контента (в том числе видеороликов, изображений, содержащих элементы «порномести»), по распространению ложных новостей и совершению правонарушений мошеннической направленности путем обмана и введения потерпевших в заблуждение.

В то же время, несмотря на связанные с развитием дипфейков риски, сами по себе данные технологии не представляют однозначно негативный феномен, а выступают также в роли инструментов, способных на проведение технологической революции, например, в такой области, как кинематография [3, с. 38]. Потенциальное их применение не ограничивается лишь искусственным изменением реального возраста актеров с целью создания визуальных эффектов, а включает в себя также повышение реалистичности дублеров за счет придания им наибольшего сходства с основными исполнителями, упрощение процесса по созданию дубляжа и повышение качества соответствующего результата за счет автоматической синхронизации движений губ с озвучкой переведенного на другой язык текста, а также завершение съемок фильмов и (или) сериалов с использованием изображений и (или) голосов актеров, которые внезапно скончались или по иным причинам не смогли или не выразили желание продолжить участие в записи проекта [4]. Причем подобные случаи уже имели место, в частности, речь идет об использовании в седьмой части франшизы «Форсаж» цифровой

модели известного актера Пола Уокера, трагически погибшего незадолго до завешения съемок одноименного фильма. Однако помимо этических моментов, возникающих в последнем из описанных выше случаев, отсутствие в белорусском законодательстве правового регулирования в части признания права физического лица на собственное изображение и регламентации границ использования технологий дипфейк-технологий нарастает и вопрос, который выражается в определении необходимости появления отсутствующей сегодня нормы, которая бы закрепляла возможные варианты обеспечения правомерного использования тех лиц, чьи изображения планируется использовать (например, получение согласия или заключение договора с такими лицами или их наследниками в случае смерти соответствующих лиц), во избежание нарушения прав интеллектуальной собственности и обеспечения определенности в отношениях между контрагентами.

В ряде сфер подобные механизмы уже предусмотрены – так, исходя из подп. 5.3 п. 5 ст. 5 Закона Республики Беларусь от 05 февраля 1993 г. № 2181-XII при наличии согласия соответствующего лица, его портрет может быть зарегистрирован в качестве товарного знака, однако, в какой форме должно быть дано указанное согласие и что оно должно в себе содержать во избежание возникновения споров между контрагентами, а, в случае возникновения таковых, признания его действительным судом, в законодательстве не отражено.

Помимо этого, на практике возникают споры об авторстве созданных при помощи ИИ изображений физического лица, музыкального и (или) аудиовизуального произведения с его голосом, если они будут признаны таковыми. В научной среде по данному вопросу существуют четыре позиции: первая из которых – считать автором лицо, непосредственно применившее уже существующую технологию для создания дипфейка, вторая – признавать авторство за создателем соответствующей дипфейк-технологии, третья – принимать за автора разработчика самого ИИ, на основе которого работает дипфейк-технология, четвертая – отрицать статус произведения и, соответственно, наличие авторства у созданного при помощи ИИ феномена [4]. Согласно абзацу второму ст. 4 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон), в качестве автора может выступать лишь физическое лицо. Оно же, по общему правилу, должно быть и субъектом уголовной или административной ответственности, в случае посягательства созданным технологией феноменом на авторские права или права промышленной собственности, а также права на защиту персональных данных, однако, в соответствующих отраслях

права отдельная норма, посвященная технологиям, отсутствует, вследствие чего имеет место неопределенность субъекта ответственности в случае когда названные явления от начала и до конца созданы силами ИИ. Помимо этого, в соответствии с положениями вышеуказанной нормы Закона, для признания произведения таковым необходимо наличие творческого труда при его создании, присутствие которого в случае с ИИ довольно спорно. В то же время, в отношении крайнего аспекта считаем нужным привести необычный пример из судебной практики Российской Федерации.

Знаковым примером возникновения споров стало решение Арбитражного суда г. Москвы (дело № А40-200471/2023) в ноябре 2023 г., где дипфейк-видео все же было признано объектом авторского права по основанию наличия творческого труда людей в его создании. Спор возник между компанией «Рефейс Технолоджис» и организацией «Бизнес-аналитика», использовавшей юмористический ролик «Рефейс Технолоджис» в рекламе. «Бизнес-аналитика» оспаривала авторские права, ссылаясь на то, что указанный рекламный видеоролик не является аудиовизуальным произведением, так как был создан с использованием нейросети посредством «наложения» лица известного актера Киану Ривза и, соответственно, мог быть свободно использован. В этом деле суд подробно проанализировал процесс создания дипфейка и пришел к выводу, что ключевую роль здесь сыграли люди – сценарист, актер, видеооператор и дизайнер, творческому труду которых указанный ролик обязан своим появлением, а ИИ служил лишь инструментом. Таким образом, идея и реализация исходили от человека, а дипфейк-технология лишь доработала отснятый материал в качестве монтажера.

Соответственно, суд постановил, что дипфейк-видео подлежит правовой охране как объект авторского права, и это решение было подтверждено кассационной инстанцией в августе того же года [5, с. 9]. Российские правоведы-практики К. Дьяков и Д. Кистенев сочли этот казус прецедентным, поскольку, как они заявляют, вопрос защиты авторских прав на дипфейк во многом зависит от творческого вклада автора в его создание. Российское законодательство, как и белорусское, с учетом общего развития авторского права в мире требует, чтобы объект авторского права был создан творческим трудом и существовал в объективной форме. Творчество традиционно ассоциируется с автором человеком, а не с ИИ, который пока не признается творцом на законодательном уровне ни в России, ни в Беларуси, ни в большинстве других стран мира [6].

Тем временем примеров использования ИИ как в коммерческой, так и некоммерческой сфере с каждым днем становится все больше. На сего-

дняшний день наиболее активно разрабатываются и внедряются в бизнес-процессы такие дипфейк-технологии как Synthesia, WPP, Rosebud, Rephrase.ai, Canny AI. И, по мнению Агеевой А.С., благодаря заложенным в них технологиям самообучения, возможности названных выше ресурсов открывают перспективу создания абсолютно синтетических личностей – сгенерированных с нуля изображений и голосов людей, никогда не существовавших в реальности [7, с. 8]. Подобный подход позволит бизнесу существенно снизить зависимость от традиционных моделей и актеров с их претензиями на высокую оплату труда и особые условия контрактов, а также упростить процесс использования изображений физических лиц, практически исключив необходимость урегулирования вопросов, связанных с авторскими и смежными правами, и получения разрешений на использование соответствующих изображений, однако снизит доверие потребителей к цифровому контенту [8].

Как уже было отмечено, вопрос использования дипфейк-технологий не ограничивается лишь случаями подмены изображений. Немаловажной остается сфера изменения голосов физических лиц. Неопределенность границ использования аудиодипфейков осложняется тем, что в большинстве стран земного шара голос сам по себе не подлежит защите ни авторским правом, ни правом промышленной собственности.

Однако и в данном случае уже имел место интересный казус, причем на этот раз в государстве с англо-саксонской системой права и приоритетное в нем имел не столько голос, сколько созданный с помощью него контент. Прецедент был создан в 2020 г., когда YouTube-канал Vocal Synthesis, специализирующийся на юмористических дипфейках с использованием голосов известных личностей, опубликовал целый ряд сгенерированных ИИ записей, имитирующих голос известного американского исполнителя, выступающего под псевдонимом Jay-Z. Ресурс прямо подчеркивал некоммерческий характер контента и в описании к публикации указывал, что речь синтезирована ИИ [9, с. 79]. Тем не менее, организация RocNation, учрежденная самим артистом, подала иск в суд о нарушении авторских прав, потребовав удалить контент, в содержании которого, по мнению истца, был незаконно использован ИИ для имитации голоса музыканта. Как итог, во исполнение решения суда результате были удалены лишь две из четырех записей с голосом Jay-Z. Суд признал, что оставшиеся неудаленными аудиопродукты обладают статусом производных произведений, и не являются связанными ни с одним из музыкальных произведений истца. Таким образом, можем отметить, что в Соединенных Штатах Америки не каждое

использование чужого голоса автоматически будет считаться нарушением закона, ведь в данном случае оценивается не столько схожесть звучания имитированного голоса с аутентичным, сколько созданный при помощи дипфейка продукт. Кроме того, за рамками данного судебного заседания открытым остался вопрос о возможном нарушении авторского права и смежных прав на фонограммы и исполнение при создании «голосовых слепков», когда из уже существующих исполнений создаются новые музыкальные и (или) аудиовизуальные произведения путем сопоставления оригиналов в различные комбинации с последующим монтажом в целях выдачи за якобы аутентичные, а не составные произведения.

С точки зрения Гавриловой В.Д. дипфейки целесообразно рассматривать в качестве производных произведений [10, с. 90]. Так, согласно ст. 10 Закона авторское право на них будет принадлежать физическим лицам, осуществившим, переработку оригинальных произведений с помощью ИИ, выступающего в роли инструмента для преобразования материала, при условии соблюдения прав автора произведения, подвергнувшегося переработке, что означает, что использование исходного произведения без согласия правообладателя будет являться нарушением закона. Согласно нормам Закона факт обладания исключительным правом на дипфейк и последующее им распоряжение в таком случае не потребует регистрации или соблюдения каких-либо иных формальностей надлежащей защиты авторских прав (презумпция авторства), что соответствует международному подходу, закрепленному в статье 15 Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г. (далее – Бернская конвенция). С учетом изложенного выше, вопрос о том, можно ли считать результатом интеллектуальной деятельности дипфейк, созданный исключительно силами ИИ, остается открытым. При толковании норм законодательства, на сегодняшний день можно сделать вывод, за любым машинным процессом так или иначе должно стоять физическое лицо, в противном случае объекта авторского права не возникнет. Однако можно ли считать автором дипфейка человека, который был только инициатором его создания, лишь записавшим свою идею в качестве задачи для нейросети. Однозначного ответа на данные вопросы законодатель нам сегодня не дает. А презумпция признания автором лица, использовавшего ИИ лишь в качестве инструмента, является лишь выводом из систематического толкования Закона, но не его нормой, что приводит к неопределенности в практике развития гражданских правоотношений.

Нельзя также не упомянуть и тот факт, что авторское право имеет территориальный характер. Так, защита произведений иностранных авто-

ров в Республике Беларусь осуществляется на основании международных договоров, в частности, Бернской конвенции. Однако согласно белорусским коллизионным нормам, если объект, созданный системой ИИ, признается объектом авторского права в другой стране (например, на основании судебного решения, как в указанных выше случаях), он не должен автоматически получать такую же охрану в Республике Беларусь на основании ст. 5 Бернской конвенции. Основанием для отказа в предоставлении правовой охраны помимо норм Бернской конвенции могут служить положения п. 1 ст. 1132 Гражданского кодекса Республики Беларусь, регламентирующие, что к правам на объекты интеллектуальной собственности применяется право страны, где запрашивается защита этих прав.

В современных условиях, когда развитие дипфейк-технологий в разы опережает формирование законодательной базы, регулирующей их использование, крупные социальные сети, такие как TikTok, Facebook и Twitter пошли по собственному пути регулирования распространения дипфейков. Twitter, например, ввел правила относительно дипфейков в средствах массовой информации, которые направлены на маркировку твитов, содержащих измененную и (или) недостоверную информацию, и предупреждение пользователей сети о данных фактах, а не на полное удаление постов, в содержании которых зафиксированы признаки, присущие технологиям ИИ. Удаление же подобного контента происходит лишь в тех случаях, когда «он может причинить вред, включая угрозу нарушения конфиденциальности, права на свободу выражения мнений, на защиту от преследования, запугивания, может оказать влияние на избирателей и (или) быть признан в качестве инструмента для осуществления шантажа». Facebook в свою очередь еще в начале 2020 года объявил о политике удаления дипфейков, в которых наличествуют следующие признаки: оригинальный контент был отредактирован или синтезирован таким образом, что это неочевидно для обычного человека (за исключением улучшения четкости или качества) и может ввести его в заблуждение относительно того, что выступающий основным объектом информации субъект совершил действия, которых на самом деле не было; контент создан с использованием ИИ, объединяющего, заменяющего или накладывающего элементы на аудио-, видеоматериалы, создавая внешнее впечатление аутентичности. Не менее популярный сервис «TikTok» запрещает к использованию на своей площадке любой синтетический или «манипулирующий» контент, искажающий правду об объективно произошедших событиях и вводящий пользователей в заблуждение, способный повлечь причинение вреда его потребителям. Однако политика указанных

сервисов основана лишь на ручном труде системных администраторов социальных сетей, выявляющих нарушения правил размещения публикаций собственными силами и, как показывает практика, не всегда успешном [11, с. 224].

Эффективная борьба с дипфейками в социальных сетях, по нашему мнению, затруднена отсутствием надежных технологических инструментов для их выявления, основанных на тех же принципах, что и сам ИИ, создающий дипфейки. А их создание таковых инструментов, как показала практика, требует немалого количества времени и значительных инвестиций. Так еще в 2019 г. лидеры рынка технологий такие как Facebook и Международная организация по фактчекингу «GFCN», совместно с всемирно известной компанией Microsoft организовали среди разработчиков конкурс под названием «Deepfake Detection Challenge» с целью достижения результатов поиска решения названной проблемы. Примечательно, что самым успешным решением оказалась разработка белорусского специалиста Селима Сефербекова, достигшая точности 65,18% на тестовых датасетах, причем в 2025 году данные результаты приросли на 13%. Но и указанный результат оставляет желать лучшего [12].

Необходимость в коренных изменениях сложившейся в нашей стране ситуации по вопросам ИИ подчеркивается на самых высоких уровнях. Конституционный Суд Республики Беларусь в своем послании от 12 марта 2025 г. «О состоянии законности в Республике Беларусь», адресованном Президенту и Национальному собранию, подчеркнул необходимость принятия на национальном уровне отдельного закона о технологиях ИИ, учитывая значительное его влияние на социально-экономическое развитие и реализацию конституционных прав и свобод граждан. В то же время, несмотря на то, что в нашей стране сегодня отсутствует отдельный закон, посвященный исключительно регулированию ИИ, деятельность в сфере ИИ лишь упоминается в абзаце четвертом п. 1 Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» однако, как таковая, не раскрывается по сути.

Помимо этого, Республика Беларусь была активной участницей рабочей группы по разработке модельного закона «О технологиях ИИ», принятого на 58-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств от 17-18 апреля 2025 г. Соответствующий акт призван стать основой для разработки национальных законов в области ИИ в странах-участницах Содружества Независимых Государств, что, с нашей точки зрения выступило бы одним из наиболее точных ответов на поставленные в настоящей работе вопросы.

Таким образом, ключевые вопросы в отношении статуса объектов, созданных при помощи дипфейк-технологий актуальны не только для Беларуси и заключаются на сегодня в отсутствии сформированной законодательной базы в большинстве стран мира, которая бы определяла ответственность их создателей, а не применение санкций к создателям дипфейк-технологий и (или) разработчикам самого ИИ, с учетом стремительно развивающихся технологий нейросетей. Обобщив изложенное, отметим, что помимо необходимости решения на правовом уровне белорусским законодателем вопроса о защите прав умерших, в частности, музыкантов, киноактеров и иных известных личностей, относительно неправомерного использования цифровых копий их голоса, изображения и (или) образа в целом, существующие в Беларуси нормы в сфере права интеллектуальной собственности для того, чтобы служить эффективным инструментом регулирования отношений в области использования дипфейков и стать основой формирования технологически нейтральных и прогрессивных по своему содержанию правоотношений между сторонами гражданского оборота, все же требует доработки относительно закрепления в них четкой позиции, отражающей отсутствие или наличие (и при каких условиях) статуса произведения у феноменов, созданных при помощи ИИ, а главное, механизма определения автора (если таковой будет иметь место) последних, и гармонизации позиций указанных законов с положениями планируемого к принятию в стране закона, посвященного ИИ.

Список использованных источников

1. Воронин, И. А. Дипфейки: современное понимание, подходы к определению, характеристики, проблемы и перспективы / И. А. Воронин, Д. П. Гавра // Российская школа связей с общественностью. – 2024. – № 33. – С. 4-8. – DOI: 10.24412/2949-2513-2023-33-28-47.
2. Феденева, К. Д. Потенциальные угрозы искусственного интеллекта и его критическая роль в жизни современного человека / К. Д. Феденева, М. А. Панов // Молодой ученый. – 2024. – № 40(539). – С. 34-38.
3. Мун, Д. В. "From fake to deepfake": угрозы и риски развития и распространения технологий искажения реальности в глобальном информационном пространстве / Д. В. Мун, В. В. Попета // Культура: теория и практика. – 2020. – № 1(34). – С. 32-43.
4. OECD framework for the classification of AI systems – public consultation on preliminary findings. – URL: <https://oecd.ai/en/classification> (дата обращения: 28.02.2025).
5. Игнатьев, А. Г. Дипфейки в цифровом пространстве: основные международные подходы к исследованию и регулированию / А. Г. Игнатьев, Т. А. Курбатова // Центр глобальной ИТ-кооперации. – 2023. – 52 с.

6. Использование технологии дипфейк не лишает произведение свойств объекта авторского права // ГАРАНТ.РУ. – URL: <https://www.garant.ru/news/1662844/> (дата обращения: 28.02.2025).
7. Агеева, А. С. Дипфейк: технология создания и применение в современной киноиндустрии / А. С. Агеева. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 2(553). – С. 8-9.
8. Изображение гражданина в сети Интернет: объект правовой охраны или общедоступная информация? // Эталон. Online. – URL: <https://etalonline.by/novosti/mnenie/izobrazhenie-grazhdanina-v-seti-internet-obekt-pravovoy-okhrany-ili-obshchedostupnaya-informatsiya/> (дата обращения: 28.02.2025).
9. Гаптеррахманов, А. Р. Возможности и формы совершения преступлений с использованием или посредством искусственного интеллекта: уголовно-правовой анализ / А. Р. Гаптеррахманов // Молодой ученый. – 2025. – № 13(564). – С. 78-80.
10. Гаврилова, В. Д. Определение места понятия «deep-fake» в правовом регулировании / В. Д. Гаврилова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 4(1) – С. 89-91. – DOI: 10.24412/2500-1000-2024-4-1-89-91.
11. Виноградов, В. А. Зарубежный опыт правового регулирования технологии «дипфейк» / А. В. Виноградов, Д. В. Кузнецова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 215-240. – DOI: 10.17323/2072-8166.2024.2.215.240.
12. Международная ассоциация по фактчекингу GFCN запустила конкурс систем выявления дипфейков // LENTA.RU. – URL: <https://lenta.ru/news/2025/05/20/mezhdunarodnaya-assotsiatsiya-po-faktchekingu-gfcn-zapustila-konkurs-sistem-vyyavleniya-dipfeykov> (дата обращения: 28.02.2025).